

Жиров Н. А. Эволюция социального поведения сельского общества Центрального Черноземья в XVII—XVIII веках / Н. А. Жиров, Д. А. Ляпин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 432—450. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-432-450.

Zhirov, N. A., Lyapin, D. A. (2023). Evolution of Social Behavior of Rural Society of Central Chernozem Region in XVII—XVIII Centuries. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 432-450. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-432-450. (In Russ.).

Журнал включен
в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-432-450

Эволюция социального поведения сельского общества Центрального Черноземья в XVII—XVIII веках

Жиров Николай Анатольевич*
orcid.org./0000-0001-8460-9865
кандидат исторических наук, доцент
кафедры юриспруденции
им. В. Г. Ермакова,
* *корреспондирующий автор*
zhirov-nikolai@mail.ru

Ляпин Денис Александрович
orcid.org/0000-0002-2078-2404
доктор исторических наук, доцент
кафедры истории
и историко-культурного наследия
lyapin-denis@yandex.ru

Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда,
проект № 23-28-00400
на базе ФГБОУ ВО
«Елецкий государственный
университет им. И. А. Бунина»

Evolution of Social Behavior of Rural Society of Central Chernozem Region in XVII—XVIII Centuries

Nikolai A. Zhirov*
orcid.org./0000-0001-8460-9865
PhD in History, Associate Professor,
Department of Jurisprudence
named after V. G. Ermakov,
* *Corresponding author*
zhirov-nikolai@mail.ru

Denis A. Lyapin
orcid.org/0000-0002-2078-2404
Doctor of History, Associate Professor,
Department of History and Historical
and Cultural Heritage
lyapin-denis@yandex.ru

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

Acknowledgments:
The study was supported by a grant
from the Russian Science Foundation
project № 23-28-00400
on the basis of FSBEI HE
“Bunin Yelets State University”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Поднимается вопрос эволюции поведенческой модели сельского социума на примере трех территорий, центрами которых являлись крупные сельские поселения Орловской (с. Навесное), Липецкой (с. Паниковец) и Воронежской (с. Данково) областей. Хронологические рамки работы совпадают с первым этапом развития этих населенных пунктов от их возникновения до образования православных приходов с развитой поселенческой округой, которая исторически имела тесную связь с центральным поселком. В качестве основного источника была выбрана массовая хозяйственная и иная документация XVII—XVIII веков. Методика исследования связана с применением проблемно-хронологического метода в локальных границах трех сельских поселений, историко-системного метода и современных подходов, в том числе микродемографического. Социальная организация сельского населения изученных авторами локальных территорий отличалась динамичностью, особенно в XVII веке, когда существенную роль в истории региона играл военный фактор. Отмечается, что в течение XVIII века одноворцы постепенно теряют хозяйственную инициативу. К концу столетия важную роль в освоении территорий стали играть помещики и их владельческие крестьяне. Показано, что одноворческий коллективизм продолжил свое существование и в более позднее время, фактически дожив до начала XX века.

Ключевые слова:

колонизация; заселение; одноворцы; локальная история; сельский социум.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of the evolution of the behavioral model of a rural society is raised on the example of three territories, the centers of which were large rural settlements of the Oryol (Navesnoye village), Lipetsk (Panikovets village) and Voronezh (Dankovo village) regions. The chronological framework of the work coincides with the first stage in the development of these settlements from their origin to the formation of Orthodox parishes with a developed settlement district, which historically had a close connection with the central settlement. Mass economic and other documentation of the 17th—18th centuries was chosen as the main source. The research methodology is associated with the use of the problem-chronological method within the local boundaries of three rural settlements, the historical-system method and modern approaches, including microdemographic ones. The social organization of the rural population of the local territories studied by the authors was dynamic, especially in the 17th century, when the military factor played a significant role in the history of the region. It is noted that during the 18th century the *odnodvortsy* gradually lose their economic initiative, and by the end of the century, landowners and their owning peasants began to play an important role in the development of territories. It is shown that single-dvor collectivism continued to exist at a later time, actually surviving until the beginning of the 20th century.

Key words:

colonization; settlement; *odnodvortsy*; local history; rural society.

Эволюция социального поведения сельского общества Центрального Черноземья в XVII—XVIII веках

© Жиров Н. А., Ляпин Д. А., 2023

1. Введение = Introduction

В центре нашего внимания находятся три крупных сельских поселения Центрального Черноземья: Данково, Навесное и Паниковец, которые в настоящее время входят в состав Воронежской, Орловской и Липецкой областей. Они появились в местах интенсивного хозяйственного освоения диких земель южного пограничья, сформировавшихся на территории основных притоков Дона. Увеличение населения края в XVII веке было обеспечено общинными началами в сфере землепользования, основанного на совместной работе служилого населения [Lyapin et al., 2017, с. 13—20]. С эпохи петровских преобразований начала XVIII века хозяйственное развитие этих территорий (Ливенский, Елецкий и Коротоякский уезды) приобрело новый импульс, а эпоха Екатерины II ознаменовалась началом распродажи земель крупным землевладельцам, обладавшим большим количеством крепостных крестьян. Таким образом, население региона существенно увеличилось, а его внутренняя структура стала сложнее.

Под эволюцией поведенческих механизмов в сельском социуме в данной статье понимается комплекс мер, формирующих особенности внутренней организации локального сообщества в процессе освоения новых территорий. Эти меры стали необходимыми в условиях колонизации новых земель, поскольку от этого зависела результативность коллективной деятельности [Ляпин, 2019, с. 599—612].

Цель данной статьи заключается в том, чтобы рассмотреть некоторые особенности социальной структуры и эволюции поведенческих механизмов сельского общества Центрального Черноземья в XVII—XVIII веках в контексте хозяйственного освоения региона и демографических процессов.

Социальная организация сельского населения России нередко попадала в центр внимания отечественных ученых. Тематика изучения русского крестьянства, особенно в рамках истории крепостного права, пользовалась неизменным вниманием научного сообщества с середины XIX века. Для нашей работы важны только те исследования, которые затрагивали формы организации сельских жителей XVII—XVIII веков: семью, род, общину.

Фундаментальными трудами в этом направлении остаются исследования Л. В. Милова по истории русского крестьянства [Милов, 1998; Милов, 2006]. Историк указывал также на климат и техническую специфику орудий труда русского землепашца как факторы, определяющие особенности социальной организации и поведенческой структуры деревни. Повседневная жизнь крестьян русского севера была в центре внимания Е. Н. Швейковской [Швейковская, 2012]. В результате проведенной работы автору удалось собрать много фактического материала, проанализировать бытовую реальность жизни крестьянина, показать ценностные ориентиры и миропонимание сельских жителей. Важнейшим исследованием однодворческого населения России является книга В. М. Важинского. Автор показал реалии сельской жизни и общинное начало, соединявшее мелких помещиков [Важинский, 1974]. Американский историк Б. Девис считал, что сельские жители Юга России в XVII веке были вынуждены жить из-за постоянной опасности со стороны степняков так называемыми «деревенскими коммунами», которые, помимо того, были необходимы в коллективной обработке пространств «дикого поля» [Davies, 2004]. Одной из наиболее свежих работ в области исторической демографии, антропологии и социальных процессов является книга Джона Бушнелла [Бушнелл, 2020]. Труд Бушнелла — классический научный трактат-исследование, основанный по большей части на статистическом методе, но при этом опирающийся на опыт изучения локальной истории.

Таким образом, в настоящее время уже накоплен опыт в изучении социальной организации сельского населения. Формы поведения объясняются менталитетом, природным или военным факторами. Не возражая против этих объяснений, мы постараемся указать на еще одну немаловажную деталь — связь социальной организации с демографическими колебаниями (как большими, так и малыми), которые испытывал конкретный локальный участок. Для этого обратимся к социальной истории трех выбранных для исследования поселений.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методика, которая лежит в основе исследования, связана с применением проблемно-хронологического метода в локальных границах трех сельских поселений. С таких позиций мы сможем точнее представить, как социальная структура сельского общества изменялась в хронологической последовательности. Кроме того, представляется актуальным использование историко-системного метода, с помощью которого возможно определить изучаемую историческую реальность выбранных локальных объектов как частей целой системы, в данном случае Российского государства в XVII—XVIII веках. Ав-

торами применялся статистический метод, позволивший систематизировать количественные данные о населении. Микроисторический подход позволил выявить ключевые факторы, определяющие особенности локальной идентичности жителей сельских поселений, а также анализ изменения форм поведения сельского населения в отдельные исторические периоды.

В основе данной статьи — результаты анализа массовых источников, связанных с историей трех территорий, центрами которых являлись крупные сельские поселения Орловской (с. Навесное), Липецкой (с. Паниковец) и Воронежской (с. Данково) областей. Основными источниками исследования послужили писцовые описания 1615, 1628, 1646 и 1678 годов, переписные книги 1710 и 1716/18 годов, экономические примечания к картам генерального межевания конца XVIII века и иные массовые источники из фондов 1209, 350 и 1355 Российского архива древних актов (РГАДА).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Начало освоения региона Верхнего Дона в XVII веке

История села Паниковец Елецкого уезда тесно связана с освоением пространства правобережья Дона. С древности это место привлекало земледельцев, но только после строительства города-крепости Елец в 1593 году началось полноценное хозяйственное освоение этих пространств. Новый город стал важным опорным пунктом России на южных рубежах, где проходило постоянное военное противостояние с Крымским ханством, считавшим эти земли своей территорией. Елец был построен в 52 км от интересующего нас места на Быстрой Сосне — правом притоке Дона. Чтобы ускорить процесс освоения окрестностей новой крепости, в 1598 году начинаются массовые раздачи земель новым переселенцам — выходцам с региона Средней Оки. Первые колонизаторы выбирали наиболее удобные места для ведения хозяйственной деятельности и были, как правило, родственниками или соседями по прежнему месту проживания [Ляпин, 2020, с. 53—62]. Первые раздачи в районе будущего села проводились в 1598—1600 годах [РГАДА, ф. 210, оп. 4, д. 86, л. 59 об., 78]. Затем на окраине большого Яковлевского леса, тянувшегося вдоль берега Дона, первые переселенцы основали село, дав ему название по небольшой речке Паниковец. Наличие здесь крупного лесного массива позволяло не только использовать его для хозяйственных и строительных нужд, но и в качестве укрытия во время нападений крымских татар. Со временем местными жителями была построена церковь Богоявления, давшая селу второе название — Богоявленское.

Первые жители села были в основном выходцами из Мценского уезда. В 1600 году сюда приехали две семьи — Васильевых и Урюпиных. В 1615 году в селе проживали уже девять семей [РГАДА, ф. 1209, оп. 1,

д. 131, л. 207 об. — 214]. Тогда же окрестных земель из-за леса и большого оврага стало не хватать, и помещики стали распахивать участки западнее села, огибая обширную балку, по ровному дну которого текла речка Каменка. На другой стороне этого оврага к 1615 году была основана деревня Яблонова. Некоторые семьи владели землями сразу в двух поселениях, что указывает на родственные связи жителей обоих поселений. Лесом и лугами по Каменке и Паниковцу изначально пользовались коллективно. К тому же две семьи помещиков Щукиных образовали около 1615 года починок Мценский за соседним Сновским лесом, где владели землями, но дворов не имели. Починок появился в 15 км к югу от села за изгибом Дона.

В 1620-е годы к северу от села получили землю в вотчинное владение несколько донских казаков и есаулов. Они заселили свои земли крестьянами и бобылями и принялись распахивать земли вверх по Дону вдоль Яковлевского леса. Данные писцового описания 1628 года подводят итоги первых 30 лет хозяйственной деятельности первопоселенцев Паниковца: здесь проживала 21 семья, в том числе есаулы и казаки. В Яблоново дворы имели всего несколько семей.

Перепись 1646 года зафиксировала резкое сокращение количества крестьян. Причиной этого была большая татарская война 1631—1634 годов [РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 132, л. 847, 854, 858—859 об.]. Пользуясь тем, что русская армия находилась под Смоленском, обрушившиеся на русские границы крымские татары разорили сотни поселений, увели в плен или убили тысячи человек. В результате был нанесен существенный урон населению правобережья Дона, особенно Ливенскому, Елецкому и Воронежскому уездам. Большинство семей поселенцев 1600—1615 годов навсегда исчезают из документов. Зато появляются новые помещики, две семьи которых (Болотовы и Выставкины) имели крестьянские дворы на своих землях [Там же, д. 135, л. 78—80 об.]. Остальные помещики обрабатывали землю своими силами, примерно в тех же пределах, которые были намечены еще в начале века.

В этом же году начинается интенсивное строительство Белгородской черты, и жизнь в окрестностях с. Паниковец меняется. Происходит массовое переселение служилых людей в Елецкий уезд, основываются новые села и деревни, однако численность населения Паниковца и Яблонова выросла незначительно. Это связано с тем, что елецкие власти, выделяя земли новой волне колонизаторов, исходили из военно-стратегической надобности, стараясь расселять прибывших на путях татарских дорог, загораживая направления ударов на крепость. В этом отношении Паниковец не имел большого стратегического значения, так как находился в стороне от татарских дорог. Но именно этим он привлекал землевладельцев, стремящих-

ся приобрести хороший земельный участок в спокойном месте. Поэтому в 1678 году здесь значились сразу несколько купленных вотчин с крестьянами [Там же, д. 8830, л. 103—104]. По данным на этот год, в Паниковце проживало около 50 семей, что в среднем составляло численность более 150 человек. Самыми заметными были семьи Дмитриевых (потомков есаула, получившего здесь земли в 1622 году) и Перцевых (старый и богатый елецкий дворянский род). Интересно отметить, что рядом с помещиком Денисом Потаповичем Пересветовым, имевшим 13 крестьян на своих землях, проживала в вотчине В. И. Володимерова большая крестьянская семья Пересветовых во главе с Василием Денисовичем. Родство между этими семьями очень вероятно, так как Пересветовы — дворянская фамилия.

К концу XVII века в Паниковце преобладали фамилии Дмитриевых и Перцевых. Среди фамилий первопоселенцев 1600—1615 годов значились только Клюевы. Причем показательно, что Яков Дементьевич Клюев, чьи предки приехали сюда еще в начале XVII века, приобрел поместье в результате обмена. Вотчинные земли в селе больше не упоминаются, а самым крупным землевладельцем является помещик Иван Федотович Перцев [Там же, д. 138, л. 114, 122, 122 об., 125 об.—128 об., 134, 134 об.]. Он имел земли сразу в четырех поселениях, в том числе в близлежащем починке Чюрсин, одним из основателей которого являлся.

Таким образом, видим, что первые колонизаторы этой территории в большинстве своем не удержались на своих землях. Общее колебание численности населения села в XVII веке можно наглядно представить в виде диаграммы (рис. 1).

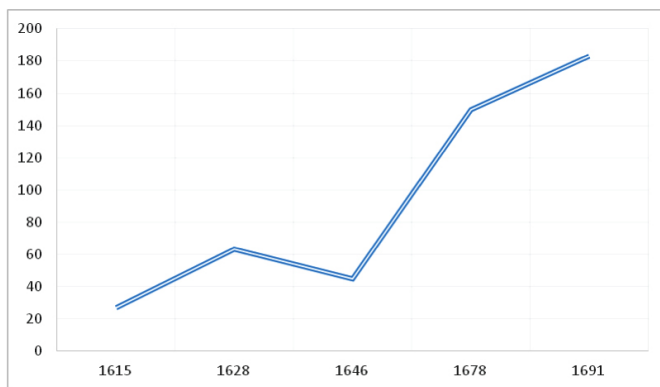

Рис. 1. Рост населения с. Паниковец в XVII веке.

Составлено по: [РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 131, л. 207 об.—214; д. 132, л. 847—859 об.; д. 135, л. 78—80 об.; д. 138, л. 128—134 об.; д. 8830, л. 103—104].

В 1586 году в устье двух рек Ливен была построена крепость Ливны на берегу Быстрой Сосны. Из-за удобного географического расположения заселение уезда осуществлялось с левобережной стороны р. Быстрой Сосны. Правобережная часть уезда имела мало лесных массивов, в том числе вследствие регулярных поджогов степи русскими служилыми людьми. Кроме того, постоянная татарская угроза делала правобережье уезда очень опасным местом и малокомфортным для жизни, хотя попытки освоения этого пространства предпринимались в течение всей первой половины XVII века. Несколько раз Ливны подвергались осадам и разорялись, а его окрестности опустошались, особенно Мокрецкий стан, располагавшийся в правобережной части уезда.

Первое упоминание местности, на которой во второй половине XVII века появится с. Богоявленское (Навесное), относится к 1615 году. В Приправочной книге 1615 года по г. Ливнам и Ливенскому уезду есть сведения, что помещикам Серболова стана в районе лесов Навесного и Круглого выдавались пустоши для дальнейшего расселения русских служилых людей за рекой Сосной. В источнике несколько раз упоминается о наделении в этой местности пустошами Дикого поля помещиков Ортемова, Пчелникова, Окульшина и Сотникова из деревни Чернянской, что располагалась под Богдановым лесом «верх Хмелевого колодезя». Сама д. Чернянская находилась в левобережной части Серболова стана. В писцовой книге Ливенского уезда 1627—1629 годов также есть упоминание о существовании пустоши Дикого поля под лесом Навесным и Каменным, но постоянного населенного пункта пока еще не было [РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 234]. Всего на территории Серболова стана в 24 поселениях проживали 341 человек мужского пола, при этом крестьян было всего 43 человека [Мацук, 2001, с. 13—37].

В 1630-е годы, когда на эти земли начинаются татарские набеги, правительство стало принимать меры по их защите и в этой связи массово заселять Серболов стан, хотя, по данным переписи 1646 года, количество населенных пунктов по сравнению с 1615 годом немного сократилось (7 сел и 15 деревень). В итоге между Ливенским и соседним Елецким уездами возник новый Чернавский уезд. Эта мера в сочетании с эффектом от строительства Белгородской черты способствовала сельскохозяйственному развитию региона, формированию здесь первых полноценных сельских поселений.

В 1659 году начались раздачи земель Чернавского уезда на правом берегу Быстрой Сосны [Астафьев, 2019, с. 4—7]. Новый, масштабный этап заселения правобережья Быстрой Сосны пришелся на 60-е годы XVII века. Большую роль в этом процессе сыграло основание города Землянка в 1661 году и формирование нового Землянского уезда, защитившего эти земли с юга.

В таких условиях на территории Серболова стана Ливенского уезда было основано село Навесное, получившее по местной церкви второе название Богоявленского. В 1678 году в стане было зафиксировано около 740 человек мужского пола, из них 56 крестьян и бобылей [РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 14258, л. 53—98]. Село Навесное с входящими в его приход д. Круглой и д. Кунацкой (Жерино) были единственными населенными пунктами в правобережной части Серболова стана. Возможно, поэтому данный приход был самым многочисленным в стане и одним из крупнейших в уезде. В с. Навесном насчитывалось 45 дворов, в которых проживали 52 помещика, а также 2 дворовых человека и 1 «гуляющий на время». Крестьян и бобылей не зарегистрировано, однако ранее крестьяне в селе проживали. В частности, помещик Трофим Савельевич Даньшин заявил переписчикам, что когда-то за его отцом в селе было пять крестьянских дворов, но в прошлые годы крестьяне померли, а «иные от разорения разошлись» [Там же, л. 53 об.]. Это указание само по себе интересно. Последнее крупное разорение Серболова стана произошло в 1659 году. Тогда в ходе татарского набега в 21 уезде было убито и взято в плен 27 тысяч человек и сожжено 10 тысяч дворов [Важинский, 1974, с. 46]. По всей видимости, Навесное возникло до этого, на волне массовых переселений в годы активной фазы возведения Белгородской черты, то есть в 1646—1652 годах. Изначально на этих землях селились помещики и крестьяне, но татарские набеги разорили служилых людей, превратив их в однодворцев.

Как видим, основание Навесного имело долгую военно-политическую предысторию, хотя первые земли в этом регионе начали осваиваться еще в первой половине XVII века. Переписная книга 1678 года наглядно фиксирует социальную структуру местного общества, возникшую под воздействием войны и реалий освоения диких земель. В с. Навесном, как и в Ливенском уезде в целом, преобладали однодворцы, их количество составляло около 90 % от числа всех помещиков. Перепись 1678 года отделяет их от помещиков с крестьянами и крупных вотчинников, более того, и самих однодворцев перепись иногда разделяет на группы. Вероятно, однодворцы жили группами даже в пределах одного села.

Согласно сведениям 1684 года, в селе Навесном проживало 106 помещиков, то есть население увеличилось в два раза менее чем за 10 лет [РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 237, л. 32 об—36 об.]. Во многом это стало следствием миграционной волны переселенцев с левобережной части Серболова стана, о чем свидетельствует появление ряда новых фамилий, в частности, Евсевия Абрамова Ртищева, по переписи 1678 года зарегистрированного в с. Егорьевском, что находилось под Богдановым лесом [Там же, д. 14258, л. 74]. Кроме того, в селе отмечался и бурный естественный прирост, о чем

косвенно свидетельствовало наличие больших семей, состоящих из нескольких братьев, а также появление отдельных дворов у повзрослевших сыновей помещиков 1678 года.

История следующего локального участка тесно связана с попытками русского населения освоить плодородную долину по р. Хворостань, левого притока Дона. Эти территории находились к югу от Воронежа, построенного так же, как и Ливны, в 1586 году. Заселение окрестностей города-крепости проходило первое время к северу по рекам Воронеж и Дон [Глазьев, 2013, с. 278—283]. Татарские набеги не позволяли населению селиться южнее, однако воронежцы использовали эти плодородные земли под промысловую деятельность, арендуя большие участки степи — «ухожай». К 1615 году на р. Хворостань появился «Хворостанский ухажай», а недалеко от него — хорошо укрепленный Борщевский монастырь [Воронежский край ..., 1976, с. 51—52].

Воронежские служилые люди, рискуя жизнями, выезжали в эти места для рыболовства, бортничества, ловли бобров. К 1646 году русское население уже постоянно проживало здесь, основав южнее укрепленное сельцо Избыльское. Одновременно с этим Борщевский монастырь активно заселял эти земли крестьянами и бобылями, жившими в огороженных тыном слободах и деревнях. Местные жители вне зависимости от социального статуса были вооружены и постоянно заботились о собственной безопасности.

В 1646 году начинается активная фаза строительства Белгородской черты. В этой связи на Дону, южнее Хворостани, была построена крепость Коротаяк. С этого года начались массовые переселения в окрестности новой крепости и раздачи окрестных земель в поместья. Переселенцы, являвшиеся однодворцами, скоро получили земли за Доном, тянувшиеся в сторону сельца Избыльского и монастырских владений по Хворостани. Левый берег Дона в этих местах был сильно залесен и являлся естественной защитой от татар. Среди наиболее активных колонизаторов был Антон Гололобов, который в 1660—1662 годах вместе с сослуживцами инициировал раздел Хворостанских ухажав под поместья. Коротоякский воевода Данила Фуников разрешил это свободное разделение земель, хотя никаких бумаг на свои приобретения переселенцы не получали, так как для этого нужно было провести отдельную перепись и межевание. Таким образом, коротоякские однодворцы взяли себе обширные плодородные земли к востоку от Дона. Военная защита этих мест была обеспечена построенной к тому времени Белгородской чертой, проходившей севернее, через Борщевский монастырь к Воронежу.

В 1662 году между коротоякскими помещиками и монастырскими крестьянами вспыхнул неизбежный конфликт за земли. Служилые люди пытались выгнать монастырских бобылей с этих мест, но те держали оборо-

ну, и противостояние было окончено только в 1666 году, когда новая волна переселенцев принесла в Коротояк «моровое поветрие», быстро достигшее Хворостанских ухажав [ГАВО, ф. И-182, оп. 3, д. 151]. На двадцать лет плодородные земли запустели. В 1683 году в документах встречаем сведения о новом конфликте за территорию по Хворостани — между вернувшимися сюда коротояжскими помещиками и воронежским Покровским женским монастырем, успевшим приобрести часть земель в свое пользование [Там же, оп. 5, д. 105]. Коротояжцы были потомками колонизаторов «первой волны» и полагали эти владения своими «исконно», по наследственному праву перво-поселенцев (не имея юридических бумаг), а монастырь ссылался на грамоты, по которым купил несколько лет назад у Борщевского монастыря эти опустившие угодья. Конфликт был улажен после долгих споров: в октябре 1683 года Хворостанские земли впервые были размежёваны [Там же, л. 3].

Таким образом, в XVII веке, в эпоху колонизации опасного степного пограничья, формировалась специфическая социально-поведенческая структура населения. Для этого этапа существования местного общества характерно ярко выраженное стремление к объединению, принимающему различные варианты: семья-род, община, сельское поселение, локальная группа поселений. Все эти явления сельской жизни дополняли друг друга, образуя единую структуру повседневного существования человека. Социальная история изученных участков тесно связана с демографическими колебаниями. Слабая заселенность вынуждала население вести более сплоченный образ жизни. Писцовое описание Паниковца фиксирует наличие трудовой общины, проявлявшейся в распахке через десятину «в обще» [РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 133, л. 843 об.]. Слаженно организуя структуру повседневной жизни, население активно задействовало все имеющиеся ресурсы.

Обработка неосвоенных пространств «дикого поля» в условиях постоянной татарской опасности была невозможна при индивидуальном подходе в хозяйственной деятельности поселенцев. Коллективизм в организации сельскохозяйственной деятельности в первую очередь был обусловлен нехваткой крестьян и подавляющего большинства местных помещиков — будущих однодворцев — на протяжении всего XVII века. Кроме того, сами переселенцы могли привезти с собой традиции коллективной работы из мест своего прежнего жительства. Например, для черносошных крестьян Новгородчины была свойственна коллективная обработка земли. Сочетание этих факторов толкало семьи объединяться в семейно-родовые и соседские группы, превращаясь со временем в сельские общины — более крупные формы социальной организации населения [Жиров, 2019, с. 147—156]. К концу XVII века численность этих помещиков без крестьян в южных уездах составляла абсолютное большинство от общей массы населения — 82,9 %.

Сельское поселение, представленное разными типами населенных пунктов, как правило, являлось более крупным способом организации населения окраины, чем трудовая община [Камараули, 2018, с. 101—102]. Сельское поселение обычно представляло собой коллектив семейно-родовых групп, общность которого поддерживалась совместной хозяйственной деятельностью. Примером этому могут быть также коротоякские однодворцы, расширявшие свои земли в сторону Хворостани. Они представляли собой активное сплоченное сообщество, стремящееся расширить пространство своих владений в возможных пределах.

Итак, в XVII веке сельское поселение представляло собой динамичную социальную организацию, состоящую из семейно-родовых групп, большинство которых было объединено в неформальную трудовую общину. Отметим также, что часто село являлось частью другого объединения — локальной группы сельских поселений. Особенно хорошо видно это обстоятельство на примере с. Паниковец, которое с самого начала было окружено д. Яблоновой и почином Мценским, а затем здесь появился еще и починок Юрьев. Противоположный пример — с. Навесное, которое, не считая входящих в приход д. Круглой и д. Кунацкой, фактически развивалось как единичное поселение, так как ближайшие населенные пункты располагались в удалении на 20 и более верст. Это было связано с географическим расположением поселков в непосредственной близости от важных оборонительных участков [Ляпин и др., 2018, с. 89—97]. Навесное и Круглая располагались в 3 верстах от основных татарских перелазов через р. Олым, а Кунацкая находилась в месте одного из бродов р. Быстрая Сосна.

Для Паниковца, возникшего в начале XVII века, несмотря на относительно удачное расположение страдавшего от татарских набегов, наличие Яблонова было жизненно важным фактором, тогда как для Яблонова таким фактором являлся починок Мценский. В случае с Навесным ситуация была иной, поскольку оно возникло в то время, когда военно-оборонительная линия уже защищала русские рубежи и татарские набеги не носили регулярный характер.

3.2. Изменения социального поведения и структуры сельского общества исследуемого региона в XVIII веке

В XVIII веке сельское общество окончательно замыкается, и в его границах формируются устойчивые социальные группы однодворцев и владельческих крестьян. Очень специфической и самой малочисленной категорией населения являлись однодворческие крестьяне, которые были зафиксированы в Навесном и Паниковце. Петровская эпоха мобилизовала основную массу населения, отделив однодворцев от благородного дворянства записанного теперь отдельно в «шляхетство» [Захаров и др., 2021,

с. 83—98]. Собственно однодворцы стали основной массой населения для всех рассматриваемых нами локальных территорий.

По данным переписи 1716 года, в Паниковце проживали около 100 однодворцев обоих полов, записанных в рейтары и копейщики, а также 9 священнослужителей и вдова. В соседней д. Яблонуво однодворцы были записаны в рейтарскую и городовую службы, а их число составило 56 человек, включая женщин. В конце XVII века между этими двумя населенными пунктами появилась д. Каменка. Интересно, что новое поселение было достаточно крупным: здесь проживали рейтары, солдаты и городовые числом в 31 человек, а также работные люди — 32 человека и 10 священнослужителей. Перепись 1716 года фиксирует потери населения: в сравнении с 1710 годом они составили более 30 %, но зато численность лиц детского и подросткового возраста превышала 50 %, что свидетельствует о неминуемом в будущем демографическом росте [РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 113, л. 929—936, 944 об.—967]. В 1763 году в Паниковце насчитывалось 57 дворов однодворцев, в которых числилось 267 человек, а по ревизии 1795 года проживали уже 414 однодворцев и 120 владельческих крестьян [РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 972, л. 27 об.].

К сожалению, сведений о населении и его составе по с. Навесному петровской эпохи у нас нет, но, исходя из материалов второй половины XVIII века, можно смело предположить бурный рост числа жителей, который привел к образованию сразу нескольких поселков в границах единой дачи села.

Согласно ревизии 1763 года, в с. Навесное проживало 577 однодворцев мужского пола и 562 женского, а вот в ревизии 1782 года их численность снизилась до 596 человек обоего пола, то есть в два раза [ГАОО, ф. 760, оп. 1, д. 291, л. 328]. Причиной этого стало массовое выселение однодворцев в новые поселения, а именно д. Гатище, д. Пикалово и д. Казинку. Факт и время переселения указывает и другой источник «в деревне Гатище, населенной около 1765 года выходцами из села Навесного, к которому жители её и были приходом, между 1779—1783 годами построена собственная деревянная церковь во имя Казанской Божьей Матери» [История Орловской епархии ..., 1899, с. 479]. В страховых документах на церковное имущество по 1-му округу Ливенского уезда Орловской епархии 1910 года приводится информация о более раннем строительстве Казанской церкви с. Гатища, а именно в 1770 году, а Апостольская церковь с. Казинки была возведена в 1795 году [РГИА, ф. 799, оп. 33, д. 1243, л. 28—39]. Несмотря на то что время появления новых поселков и строительство в них храмов немного спорно, фактически до конца XVIII века они составляли единый приход, а сам факт историко-генетической связи поселков не подвергается сомнению.

В «Экономических примечаниях к плану Генерального межевания» по Ливенскому уезду в даче с. Навесное числились села: Казинка, Гатище; деревни: Гатище, Пониковец, Юрская, Марьина, Николаевка, Пикалово; сельцы: Топское (Давыдовка), Никитинка (Белая Гора), Юрское (Хитрово), Григорьевское (Юрьевское), Федоровское (Костромитинова) [РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 994, л. 35 об.—38]. Общее количество дворов по ревизии 1795 года составляло 385, а жителей мужского 1625, женского пола — 1645. В самом селе Навесном числилось 87 однодворческих дворов с 323 жителями мужского пола и 319 женского, а также 3 однодворческих крестьянина. Кроме того, у генерал-поручика И. К. Давыдова числилось в сельце Топском более 200 крепостных и дворовых людей обоего пола. Таким образом, к концу XVIII века население прихода стало смешанным, с существенной долей лично зависимых жителей.

Уже в начале XVIII века в Хворостанских землях однодворцы теряют хозяйственную инициативу. Петровское время заставляет часть из них отправиться на фронт Северной войны, другие были записаны в полки ландмилиции Азовской губернии. Вероятно, в конце XVII века в устье р. Хворостань возникает село с таким же названием, записанное в Воронежском уезде. Земли в низовьях реки переходят во владения местных жителей. Описание 1716 года зафиксировало здесь 42 однодворца мужского пола и три священнослужителя, тогда как в 1710 году в селе значилось 67 однодворцев [РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 94, ч. 2, л. 1118—1133]. Крупнейшим населённым пунктом было село Борщево, значившееся в вотчинах Похония митрополита Воронежского и Елецкого. В 1710 году здесь проживали 350 человек, а в 1716 году 161 человек.

Значительный демографический провал очевиден и был связан с переводом части местного населения на новое место жительства, резкой смертностью и мобилизацией на войну. Верховья Хворостани с 1683 года принадлежали воронежскому Покровскому девичьему монастырю. Однако в 1764 году в ходе екатерининской секуляризации церковных земель монастырь теряет свои земли и крестьян. В 1769 году на бывших монастырских владениях возникло с. Данково, основанное переселенцами из г. Данкова. Монастырские крестьяне, по всей видимости, были переданы в казенный фонд, а затем розданы частным владельцам. С этого момента Данково становится главным центром Хворостанского края.

4. Заключение = Conclusions

Социальная организация сельского населения изученных нами локальных территорий отличалась динамичностью. Особенно это касается XVII столетия, когда существенную роль в истории региона играл воен-

ный фактор. Тогда же был выработан общинный способ организации хозяйственной деятельности, как наиболее эффективный в условиях освоения новых земель и военной угрозы. Однако он был важен в те моменты, когда население еще не было значительным, а свободного земельного фонда было достаточно. Военные удары татарской конницы и обилие пустых территорий сохраняли общину, так как она была необходимым средством эффективного развития. В частности, помещики Навесного и коротоякские колонизаторы Хворостани объединялись в группы для того, чтобы ускорить распашку лежащего вокруг земельного фонда.

В XVIII веке граница отошла на юг, военная опасность перестала определять повседневное существование человека, позволив ему полностью сконцентрироваться на освоении близлежащих ресурсов. Однако резкий демографический скачок произошел не сразу. Для примера мы можем представить наглядно данные по с. Паниковец с 1615 по 1795 годы (рис. 2).

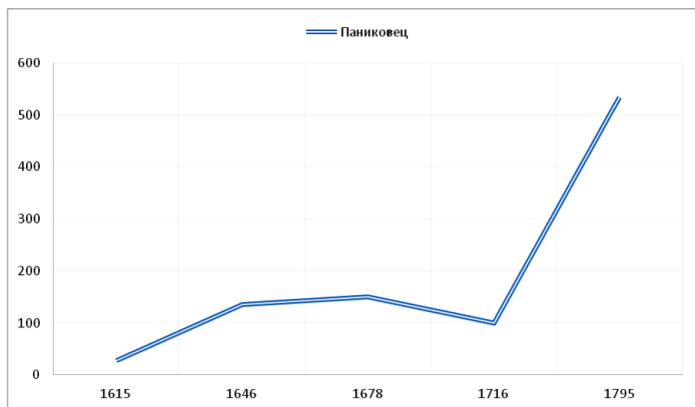

Диаграмма 2. Рост численности населения с. Паниковец в XVII—XVIII веках.

Составлено по: РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 131, л. 207 об.—214; д. 135, л. 78—80 об.; д. 8830, л. 103—104; ф. 350, оп. 1, д. 113, л. 944 об.—967; ф. 1355, оп. 1, д. 972, л. 27 об.].

К концу XVIII века общинная организация однодворческого хозяйства стала ослабевать, поскольку не имела больше значительного смысла. Демографический прилив, начавшийся в 1730-е годы, увеличил численный состав семей и их хозяйственные возможности. Однодворческие семьи жили своим хозяйством, но все еще продолжали вести совместную распашку земли, выпас скота и многие другие виды хозяйственной деятельности. Несмотря на то, что нужда в совместном землепользовании отпала, совместная распашка оставалась, поскольку по-прежнему земли не были размежеваны на индивидуальные участки. В социальном плане однодвор-

цы оставались сплочённым сообществом и часто отстаивали свои общие интересы коллективно, как и их прадеды в XVII веке [Белявский, 1984]. Эта свойственная им форма поведения была настолько устойчивой, что дожила до начала XX века.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Воронежский край с древнейших до конца XVII века* : Документы и материалы по истории края / Сост. и авт. пояснит. текста проф. В. П. Загоровский. — Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1976. — 192 с.
2. ГАВО — *Государственный архив Воронежской области*. Ф. И–182 (Воронежская приказная изба). Оп. 3. Д. 151 ; Оп. 5. Д. 105.
3. ГАОО — *Государственный архив Орловской области*. Ф. 760 (Коллекция ревизских сказок Орловской губернии). Оп. 1. Д. 291.
4. *История Орловской епархии и описание церквей, приходов и монастырей*. — Орел : типография губернского правления, 1899. — 742 с.
5. РГАДА — *Российский государственный архив древних актов*. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 4. Д. 86 ; Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки (коллекция)). Оп. 1. Д. 94. Ч. 2 ; Д. 113 ; Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 131, 132, 133, 135, 138, 234, 237, 8830, 14258 ; Ф. 1355 (Экономические примечания к планам дач генерального межевания, 1765—1843 гг. (коллекция)). Оп. 1. Д. 972, 994.
6. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 799 (Хозяйственное управление при Синоде). Оп. 33. Д. 1243.

Литература

1. Астафьев Д. А. Чернавские служилые люди Астафьевы в XVII в. : историко-генеалогическое исследование / Д. А. Астафьев // История : факты и символы. — 2019. — № 2. — С. 4—7. — DOI: 10.24888/2410-4205-2019-19-2-7-15.
2. Белявский М. Т. Олдоворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767—1768 гг.) / М. Т. Белявский. — Москва : Изд-во МГУ, 1984. — 269 с.
3. Бушнелл Дж. Эпидемия безбрачия среди русских крестьянок с. Спасовки в XVIII—XIX веках / Дж. Бушнелл. — Москва : Новое литературное обозрение, 2020. — 416 с. — ISBN 978-5-4448-1207-5.
4. Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке : (По материалам юж. уездов России) / В. М. Важинский. — Воронеж : Воронеж. пед. ин-т, 1974. — 237 с.
5. Глазьев В. Н. Заселение городов и формирование уездов Центрального Черноземья в конце XVI — начале XVII вв. / В. Н. Глазьев // Русь, Россия, Средневековье и Новое время. — 2013. — № 3. — С. 278—283.
6. Жиров Н. А. Сельский «мир» и хозяйственное освоение территории Верхнего Подонья в начале XVII в. / Н. А. Жиров // Вопросы истории. — 2019. — № 8. — С. 147—156. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201908Statyi18.

7. Захаров А. В. Служилые люди и помещики Азовской губернии при Петре I : к вопросу о социальной идентичности по массовым источникам 1710—1723 гг. / А. В. Захаров, Д. А. Ляпин // История: факты и символы. — 2021. — № 4 (29). — С. 83—98. — DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-83-98.

8. Камараули Е. В. Формирование поселенческой структуры в южных уездах России в первой половине XVII в. (на примере Воронежского уезда) / Е. В. Камараули // История : факты и символы. — 2018. — № 3 (16). — С. 10—102. — DOI: 10.24888/2410-4205-2018-16-3-97-105.

9. Ляпин Д. А. Влияние военного фактора на хозяйственное освоение юга России в XVII в. (на материалах Елецкого уезда) / Д. А. Ляпин, К. Ю. Гайтерова // Вестник Брянского государственного университета. — 2018. — № 2 (11). — С. 89—97. — DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-02-89-97.

10. Ляпин Д. А. На окраине царства : повседневная жизнь населения на Юге России в XVII в. / Д. А. Ляпин. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2020. — 413 с. — ISBN 978-5-86007-939-7.

11. Ляпин Д. А. Социальная организация сельского населения юга России в XVII в. / Д. А. Ляпин // Quaestio Rossica. — 2019. — № 2. — С. 599—612. — DOI: 10.15826/qv.2019.2.396.

12. Мацук М. А. Город Ливны и Ливенский уезд в 1615/16 году. В 3-х частях. / М. А. Мацук. — Сыктывкар : [б.и], 2001. — Ч. 1. — 123 с.

13. Милов Л. В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства / Л. В. Милов // По следам ушедших эпох: статьи и заметки. — Москва : Наука, 2006. — С. 670—688. — ISBN 5-02-035129-6.

14. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. — Москва : Росспэн, 1998. — 572 с. — ISBN 5-86004-131-4.

15. Швейковская Е. Н. Русский крестьянин в доме и мире : северная деревня конца XVI — начала XVIII века / Е. Н. Швейковская. — Москва : Индрик, 2012. — 366 с. — ISBN 978-5-91674-172-8.

16. Davies L. B. State power and community in early modern Russia : the case of Kozlov, 1635—1649 / B. L. Davies. — Basingstoke, Hants. ; New York : Palgrave Macmillan, 2004. — 308 p. — ISBN 1-4039-3213-1.

17. Lyapin D. A. The peculiarities of social organization of the serving population of the south of Russia in the first third of the XVII centuries (on materials guarantee records of Voronezh) / D. A. Lyapin, N. A. Zhironov // Past years. Russian Historical Journal. — 2017. — № 43 (1). — Pp. 13—20. — DOI:10.13187/bg.2017.1.13.

Статья поступила в редакцию 31.03.2023,
одобрена после рецензирования 11.05.2023,
подготовлена к публикации 25.05.2023.

Material resources

GAOO — State Archive of the Oryol region. f. 760 (Collection of re-viz fairy tales of the Oryol province). Op. 1. d. 291. (In Russ.).

GAVO — State Archive of the Voronezh region. F. I–182 (Voronezh command hut). Op. 3. d. 151; Op. 5. D. 105. (In Russ.).

History of the Orel diocese and description of churches, parishes and monasteries. (1899). Orel: Printing house of the provincial government. 742 p. (In Russ.).

RGADA — *Russian State Archive of Ancient Acts. F. 210 (Discharge order). Op. 4. d. 86; F. 350 (Landrat books and Revision tales (collection)). Op. 1. d. 94. Part 2; D. 113; F. 1209 (Local order). Op. 1. D. 131, 132, 133, 135, 138, 234, 237, 8830, 14258; F. 1355 (Economic notes to the plans of the dachas of the general surveying, 1765—1843 (collection)). Op. 1. d. 972, 994. (In Russ.).*

RGIA — *The Russian State Historical Archive. F. 799 (The Administration of the Synod). Op. 33. d. 1243. (In Russ.).*

Voronezh Region from the earliest to the end of the XVII century: Documents and materials on the history of the region. (1976). Voronezh: Voronezh University Press. 192 p. (In Russ.).

References

- Astafyev, D. A. (2019). Chernavsky serving people of Astafyev in the XVII century: historical and genealogical research. *History: facts and symbols*, 2: 4—7. DOI: 10.24888/2410-4205-2019-19-2-7-15. (In Russ.).
- Belyavsky, M. T. (1984). *Odnovorets of the Chernozem region (according to their instructions in the Laid Commission of 1767—1768)*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 269 p. (In Russ.).
- Bushnell, J. (2020). *The epidemic of celibacy among Russian peasant women. Spasovki in the XVIII—XIX centuries*. Moscow: New Literary Review. 416 p. ISBN 978-5-4448-1207-5. (In Russ.).
- Davies, L. B. (2004). *State power and community in early modern Russia: the case of Kozlov, 1635—1649*. Basingstoke, Hants: New York: Palgrave Mac-millan. 308 p. ISBN 1-4039-3213-1.
- Glazyev, V. N. (2013). The settlement of cities and the formation of counties of the Central Black-Earth region at the end of the XVI — beginning of the XVII centuries. *Rus, Russia, the Middle Ages and Modern Times*, 3: 278—283. (In Russ.).
- Kamarauli, E. V. (2018). Formation of settlement structure in the southern counties of Russia in the first half of the XVII century. (on the example of Voronezh county). *History: facts and symbols*, 3 (16): 10—102. DOI: 10.24888/2410-4205-2018-16-3-97-105. (In Russ.).
- Lyapin, D. A. (2019). Social organization of the rural population of the South of Russia in the XVII century. *Quaestio Rossica*, 2: 599—612. DOI: 10.15826/qr.2019.2.396. (In Russ.).
- Lyapin, D. A. (2020). *On the outskirts of the kingdom: the daily life of the population in the South of Russia in the XVII century*. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin. 413 p. ISBN 978-5-86007-939-7. (In Russ.).
- Lyapin, D. A., Gaiterova, K. Yu. (2018). The influence of the military factor on the economic development of the South of Russia in the XVII century. (based on the materials of the Yelets district). *Bulletin of the Bryansk State University*, 2 (11): 89—97. DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-02-89-97. (In Russ.).
- Lyapin, D. A., Zhirov, N. A. (2017). The peculiarities of social organization of the serving population of the south of Russia in the first third of the XVII centuries (on materials guarantee records of Voronezh). *Past years. Russian Historical Journal*, 43 (1): 13—20. DOI:10.13187/bg.2017.1.13.
- Matsuk, M. A. (2001). *The city of Livny and the Livenessky district in 1615/16. In 3 parts, 1*. Syktyvkar: [b. i]. 123 p. (In Russ.).

- Milov, L. V. (1998). *The Great Russian plowman and the peculiarities of the Russian historical process*. Moscow: Rosspen. 572 p. ISBN 5-86004-131-4. (In Russ.).
- Milov, L. V. (2006). The natural-climatic factor and the mentality of Russian peasantry. In: *In the footsteps of bygone eras: articles and notes*. Moscow: Nauka. 670—688. ISBN 5-02-035129-6. (In Russ.).
- Shveykovskaya, E. N. (2012). *The Russian peasant in the house and the world: the northern village of the late XVI — early XVIII century*. Moscow: Indrik. 366 p. ISBN 978-5-91674-172-8. (In Russ.).
- Vazhinsky, V. M. (1974). *Land ownership and the formation of a community of odnodvoretz in the XVII century: (Based on the materials of the South. counties of Russia)*. Voronezh: Voronezh. pedagogical Institute. 237 p. (In Russ.).
- Zakharov, A. V., Lyapin, D. A. (2021). Serving people and landowners of the Azov province under Peter I: on the question of social identity according to mass sources of 1710—1723. *History: facts and symbols*, 4 (29): 83—98. DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-83-98. (In Russ.).
- Zhirov, N. A. (2019). Rural “world” and economic development of the territory of the Upper Don region at the beginning of the XVII century. *Questions of History*, 8: 147—156. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201908Statyi18. (In Russ.).

*The article was submitted 31.03.2023;
approved after reviewing 11.05.2023;
accepted for publication 25.05.2023.*